

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

БЛЕСК ИСТИНЫ В ПРОРОЧЕСКОМ ГЛАГОЛЕ

Аннотация. Статья посвящена творчеству выдающегося отечественного философа Наталии Сергеевны Автономовой. В связи с её юбилеем вышла книга «Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею» (М., 2015), в которой, кроме её собственных статей, опубликованы материалы других авторов, связанных с ней общей тематикой и подходами к философским проблемам. В результате становится очевидным масштаб научной деятельности Н.С. Автономовой. Прежде всего, ощутим её вклад в теорию познания, в разработку проблем рациональности и субъекта. Кроме того, Наталия Сергеевна выступила посредником между отечественной и французской философией, она является безоговорочным авторитетом в изучении французского структурализма и постструктурализма.

В материалах использованы методы историко-философского исследования, приёмы компаративистики, психоанализа и структурализма. В ряде случаев Н.С. Автономова опирается на герменевтику.

Новизна в постановке и решении ряда философских проблем касается значительного круга вопросов. Н.С. Автономова показала огромное значение работ М.М. Бахтина, М.Л. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, Р.О. Якобсона. Сделанные ею переводы трудов Ж. Деррида, М. Фуко – это, прежде всего, огромный исследовательский труд, вклад в мировую философию. Значительную лепту она внесла в теорию перевода. Н.С. Автономова выступает в отечественной науке как философ и филолог, публицист и переводчик.

Ключевые слова: топос, рациональность, философия языка, структурализм, перевод, филология, гуманитарное познание, бессознательное, деконструкция, гостеприимство.

Abstract. The article is devoted to the creative work of a famous Russian philosopher Natalia Avtonomova. To celebrate her jubilee, the book 'Topoi of Natalia Avtonomova's Philosophy. To the Jubilee' was published (Moscow, 2015). Besides her own articles, the book also contains researches of other authors who discuss similar issues and share the same approach to philosophy. This makes the importance and substantiality of Natalia Avtonomova's research even more obvious. First of all, she has made a tangible contribution to the theory of knowledge and concepts of rationality and subject. Moreover, Natalia Avtonomova has acted as an intermediary between Russian and French philosophy. She is the absolute authority in studying French structuralism and post-structuralism. Her research is based on the methods of historical philosophical analysis, comparative studies, psychoanalysis and structuralism. In some cases Natalia Avtonomova bases her research on the hermeneutic approach. The novelty of the topic and solutions is caused by the fact that the research covers a wide range of issues. Natalia Avtonomova has demonstrated a tremendous importance of M. Bakhtin's, M. Gasparov's, Yu. Lotman's and R. Jakobson's works. Her translations of Jacques Derrida's and Michel Foucault's works are a great research and contribution to the world philosophy. She has also made a great contribution to the translation theory. In Russian philosophy Natalia Avtonomova is known as a philosopher and philologist, publicist and translator.

Key words: humanitarian knowledge, philology, translation, structuralism, philosophy of language, rationality, topos, unconscious, deconstruction, hospitality.

Рецензия на книгу:

Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина; науч. ред. Т.Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 807 с.

«Образ мира, в слове явленный»

Наталия Сергеевна Автономова, чьи труды известны не только в нашей стране, отметила свой промежуточный, если соотносить событие со столети-

ем, юбилей. Давняя реприза, в которой говорилось: «Подведём итоги, пока итоги не подвели нас», не имеет никакого отношения к данному чествованию. Любой этап жизненного пути Наталии Сергеевны, демонстрирующий дрейф от топоса к топосу, значим и интересен. Помню Н.С. Автономову, испытавшую удары судьбы и победоносную, прорвавшую многие блокады. Но не знаю времени, когда Наталия Сергеевна не предъявила бы научной общественности результаты своего напряжённого труда, новых интеллектуальных прорывов и неоспоримой женственности.

Н.С. Автономова

Научная деятельность Н.С. Автономовой трудно поддаётся окончательной атрибуции. Она философ, филолог, переводчик, публицист, историк гуманитарной мысли. Книга, выпущенная к её юбилею [1], гелиоцентрична в том смысле, что все темы, затронутые в ней, связаны с творчеством Наталии Сергеевны. Так её собственная философская активность встраивается в общий процесс отечественной и зарубежной философии. Авторы без особого труда и разных затей соединяют свои собственные идеи с тем, что остаётся привилегией Н.С. Автономовой.

Каждый юбилей есть неизбежная попытка очертить сделанное и намекнуть на возможное. С необходимой в данном случае деликатностью. В журнале «Философия и культура» два года назад была напечатана статья Э.Ю. Соловьева [2]. В ней он по сути дела сделал обзор своей публицистической деятельности. Эрих Юрьевич написал: «Вместе с тем, я всё-таки готов признать, что достиг известного уровня философско-публицистического мастерства и достиг уже достаточно давно. Подтверждением тому может служить сборник, выпущенный Валентином Толстых в 2009 г. И озаглавленный “Так сейчас не пишут”. Моя публикация соседствует здесь с раритетными текстами Эвальда Ильенкова, Петра

Палиевского, Льва Аннинского. На старости лет это ставит меня перед обязанностью провести что-то вроде урока писательского мастерства» [2, с. 731].

Рассказ Э.Ю. Соловьева о своём жизненном маршруте был сделан с такой исповедальностью и аналитичностью, что мне захотелось написать несколько строк о том, как каждому из нас порой хочется, хотя бы условно, подвести итоги собственной активности. Эрику Юрьевичу такой комментарий не понравился. Он даже усмотрел в нём намёк на исчерпанную философскую активность. Ничего похожего в моих мыслях не было. Лично я убеждён, что этому философу рано «подводить итоги». Это, разумеется, относится и к Н.С. Автономовой.

Известно, что после смерти Макса Шелера на его рабочем столе нашлась рукопись. Она была незавершённой и заканчивалась словом «однако». Всем нам, очевидно, суждено когда-нибудь оставить нереализованным последний взмах мысли. Если бы мы были бессмертными, промежуточные юбилеи потеряли бы свою значимость. Историко-философский поток устремлён в будущее. И мы сегодня вправе итожить то, что уже стало философской вехой в жизни и творчестве Наталии Сергеевны.

В.А. Лекторский пишет по этому поводу: «Твои идеи о рациональности, о философии языка, о философско-методологических вопросах перевода, о структурных методах, о сознании и бессознательном, о семиотике и многие другие задали совершенно новый уровень отечественных исследований в этой области. Ты крупнейший знаток французского структурализма и постструктурализма. В течение многих десятилетий ты успешно строишь мост между Россией и Францией. Сделанные тобой блестящие переводы Фуко, Деррида – явление французской культурной жизни, а исследования мирового философского значения работ Якобсона, Бахтина, Лотмана и Гаспарова – это также и подлинный вклад в распространение отечественной культуры за рубежом» [1, с. 5].

Разумеется, в книге, прежде всего, интересна творческая судьба самой Н.С. Автономовой. В своём предисловии «Разбирая архивы» она рассказывает, как сложилась идея книги. К участию в ней было решено пригласить друзей и коллег, а самой написать введение к разделам, охарактеризовав не только свои идеи, но и документы из личного архива, фотографии, свидетельства, письма. Собственная философская позиция, по разумению Наталии Сергеевны, представлена в книге ситуативно. Что бы это могло означать? Принцип Н.С. Автономовой – «слушать и пытаться понять». Сколь трудно бывает разобраться в чужой концепции, когда не сразу осознаёшь и ментальные навыки иного автора, и манеру излагать собственные мысли. Наталия Сер-

геевна стремится придать одушевлённость историческому опыту. Она не боится внести в его осмысленные личную, субъективную настроенность.

Судьба подарила Наталии Сергеевне примечательные встречи с видными французскими философами. Но точно ли здесь слово «подарила»? Она проявила отвагу и профессиональность, которая позволила ей удержать внимание классиков философии и затем представить их отечественным специалистам.

Первый раздел книги посвящён философии и методологии науки. Именно с ней, по словам Н.С. Автономовой, связана вся её жизнь. Об этой стороне её творчества рассказывает в книге Н.В. Мотрошилова. Да, общение разных культур рождает муки коммуникации. Это вовсе не опыты вольной мысли. Трудно войти в иной умустрой, в ядро иноземной культуры.

Н.В. Мотрошилова справедливо указывает повседневную, кропотливую работу конкретных людей и объединений, призванных донести смыслы другой ментальности и другой культуры. Ранние работы Н.С. Автономовой готовились и выходили в свет в конце 60-х гг. минувшего столетия. В 70-е гг. публиковались и становились известными её статьи в «Вопросах философии» по проблемам французского структурализма и психоанализа. «В 1977 г. вышла книга Н. Автономовой “Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. Критический очерк концепций французского структурализма”, – отмечает Н.В. Мотрошилова. – С этих уже заметных вех началось более уверенное и последовательное развитие главных концептуальных идей Н. Автономовой, которое в настоящее время переросло в труднообозримое множество добротных и новаторских книг, статей, переводов, проектов и сегодня ещё реализующихся замыслов» [3, с. 25].

Можно поблагодарить Н.В. Мотрошилову за подробный и аналитический разговор о творчестве Н.С. Автономовой. В ракурсе исследований Н.С. Автономовой изучены работы Ж. Деррида. Подчёркнуто, что Наталия Сергеевна обосновывает свой переводческий интерпретационный выбор в пользу концептуальных, философско-теоретических, а не чисто стилистических составляющих. Так в книге рождается тема проблем понимания и перевода. Перевод – это, по словам К.И. Чуковского, – автопортрет переводчика. От художественного перевода мы требуем, чтобы он воспроизвёл перед нами не только образы и мысли переводимого автора, не только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль. Если эта задача не выполнена, перевод никуда не годится.

Общение с зарубежным мыслителем – это неустанный обретение истины в слове через нежиз-

данное озарение. В известном смысле это разговор со своей бессмертной глубиной. Нет нужды доказывать, что у каждой культуры – свой поворот к вечности. Проникновение в суть французской философии – предельное напряжение, ответственная игра со словом. Нередко это слово отрывается от кальки и начинается свободное плавание, ищет понимание в ином культурном контексте. Тогда мнится, будто это разговор без посредников. Однако смысловая связь не рвётся, не исчезает.

В.А. Лекторский в юбилейной книге защищает идеал гуманизма. Повод прицельный – французский структурализм и постструктурализм отталкиваются от гуманизма как принципа, который не стыкуется с науками о человеке. Академик критикует идею «сверхчеловека» и современные версии «постчеловека». Добавим к размышлениям В.А. Лекторского: тему «сверхчеловека» можно растворить в потоке бесчисленных и разносмысловых сюжетов [4]. Тема нуждается в огранке. Речь идёт по сути дела об особой явленности другого человека, а не того, кто ведёт свою родословную от Адама. Этот вектор включает в себя три варианта – каким может стать человек, если он способен реализовать все свои ментальные, психологические, нравственные и трансцендентные ресурсы. Но понятие «сверхчеловек» может обозначать и другое творение, которому прежний человек уступит своё место. В этом смысле пролегает граница между обезьяной и человеком, между человеком и постчеловеком, «хьюманом», кибернавтом. Есть ещё один вариант проблемы – каким человек может стать и каким он не станет никогда.

Статья В.С. Стёпина «Научные революции и междисциплинарные взаимодействия» напрямую не связаны с творчеством Н.С. Автономовой. Однако ещё раз подчеркнём – Наталия Сергеевна прежде всего специалист по французской философии. Но её работы позволяют комментировать общий философский вектор, актуализирующий многочисленные темы. А вот статья Л.А. Микешинной «Субъект познания и субъект перевода» вплотную связана с анализом роли и природы субъекта перевода. Сколь бы обстоятельно ни анализировались языковые и языковедческие, культурно-исторические и социальные проблемы перевода, главной проблемой оказывается вопрос о личности переводчика как субъекта-исполнителя. А о Наталии Сергеевне сказано следующее: «Именно она – философ, филолог, переводчик не отдельными высказываниями, но целостной концепцией и монографическими исследованиями вводит в “свет общего внимания огромное проблемное поле” – познание и перевод, которое обычно скрыто от нас другими проблемами, словами и текстами, достаточно жёстко разли-

чающимися как специально познавательная мыслительная деятельность и как «лингвистический или культурный феномен» [5, с. 79].

Статья И.Т. Касавина, включённая в юбилейную книгу, посвящена теме многоязычья. Автор продвигается по следам лингвистического поворота, рассматривает ситуацию иносказания. Да, язык филологии отличается от языка науки и констатаций теологии. Мыслитель по призванию стремится к «дискурсу иносказания». Статья необычна по стилистике, в её подтексте – библейская тональность, исторические этапы развития духа. Но И.Т. Касавин обозначает эти сюжеты, подмечая, что метод иносказания – магистральная тема Наталии Сергеевны Автономовой.

Т. Рокмор вводит тему размышлений Ю. Хабермаса о коммуникативном действии и о праве в дискурс, не сторонний для Н.А. Автономовой. В сфере её внимания – размышления о разуме и рациональности. Чрезвычайно интересны рассуждения Р.С. Козна о воображении. Он стремится ответить на вопросы: «Насколько “свободен” наш процесс воображения? Каковы его пределы, ограничения, правила? Почему мы входим в мир, который не является реальным, в воображаемый мир? И кто он – тот, кто обычно мечтает, воображает, *играет* с образами, с тем, что “могло бы быть” – в настоящем или прошлом?» [6, с. 119].

Что заставляет людей отвлекаться от реальности и предаваться играм, далёким от житейской повседневности? Если полагать, что деятельность человека направлена на покорение природы, выживание, достижение прагматических целей, то какой смысл в этом азартном отвлечении от реальности, в создании волшебного мира, во всевластии грёзы? Антропологи подчёркивают, что рутина повседневности способна довести людей до покоряющей скуки, унылости, меланхолии и депрессии. Неслучайно в разных культурах игре воздаётся должное. Она воспринимается как праздник, как устремление к чему-то более важному, чем каждодневная повседневность. К примеру, феномен праздника был открыт христианской религией и закреплён культурной традицией.

«Как в чаще символов, мы бродим в этом храме»

Второй раздел книги называется «Эпистемология гуманитарных наук». В нём, прежде всего, Наталия Сергеевна рассказывает о встрече с К. Леви-Строссом. Она отмечает, что многие вопросы, которые её волновали, совпадали с работами этого философа. Придя в философию из филологии, Наталия Сергеевна размышляла о бессознательных структурах, аналогичных языковым, об их функционировании в других областях культуры и социума. А основной

вопрос звучал так: как возможна объективность в гуманитарном познании структурно-семиотической ориентации.

Блестящий анализ культурно-исторической эпистемологии в исследованиях Наталии Автономовой дан в статье Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедринной. Они отметили, что архив эпохи – это исторический мир, который показывает нам, что наш мир – такой понятный и сам собою разумеющийся – историчен, что были другие миры и эпохи, которые так же казались себе самими собой разумеющимися. В то же время они определили антиисторизм как смертельное заболевание для философов. Речь идёт о расплате за игнорирование архива эпохи. Эти темы продолжила Н.И. Кузнецова, которая стремилась осмыслить антиисторичность истории науки.

Появление личности как феномена многие исследователи связывают с историческими событиями. Они ищут в истории такой перелом, когда человек обрёл новое качество, позволившее ему раскрыть присущий ему потенциал. Суть дела можно сформулировать так: когда у человека сложился внутренний мир, позволивший человеку «произойти в личность»? В.Н. Порус рассматривает в книге феномен личности как проблемный узел культурно-исторической эпистемологии. По мнению Н.М. Смирновой, осознание невозможности внелингвистического доступа к реальности открывает широкие исследовательские горизонты для изучения языка как знаково-символического посредника познавательной деятельности человека. Ю. Шеррер в статье «Историк перед лицом смены парадигм: Западный взгляд на российскую историографию» справедливо полагает, что ещё остаётся множество открытых вопросов, которые требуют углубления эмпирических знаний.

Много лестных слов о своей сестре высказал брат В.С. Автономов. А сообщая о своей научной сфере, он отметил: «Видимо, ни для какой другой науки вопрос о её связи с реальностью и практической полезностью не является столь острым и болезненным как для экономической науки и, особенно, той её части, которая называется экономической теорией. Путь от К. Леви-Стросса к Марселю Моссу прослежен в статье К. Перре «Действенный жест». Он отмечает, что с помощью понятия техник тела Мосс исследует новые возможности мыслить и технику, и тело. Н.И. Мюрберг анализирует творчество Н.С. Автономовой через «параллельные миры» постклассической философии. О самой Наталии Сергеевне в данном случае сказано немало точного и высшей степени одобрительного. Действительно, в каждой её работе не только исследуется конкретная проблема. Но вместе с тем прорисовывается и универсальный философско-мировоззренческий

контекст. На самом деле, какими познаниями надо обладать, насколько тонко чувствовать философию Ж. Бодрийера, чтобы иметь возможность обсуждать с ним философские темы, что называется, на равных. Автор статьи подчёркивает, что осмысление категории «события» предполагает освобождение его от мистификации. В мире постмодерна событие всегда опережает теорию.

«Перекликаются звук, запах, форма, цвет»

Третий раздел книги «История философии XIX-XX веков» вызывает особый интерес. Н.С. Автономова отмечает, что для неё актуальность Фуко заключается в том, что он решительно вводил и представлял мощные, тектонические и культурные сдвиги за рамками идеологических прочтений, а также за пределами волюнтаристски-субъективистских подходов, имеющих широкое хождение в те времена при описании общественных процессов. О значении посредника в диалоге культур сказано немало. Поэтические строчки С. Малларме свидетельствуют о том, что иное слово обладает неотзывностью:

*Так я ночной порой во славу Идеала
С молитвою звонил во все колокола,
И неотзывная раскалывалась мгла,
И стая прошлых бед покоя не давала...*

Н.С. Автономова – блестящий посредник между русской и французской культурой, между филологией и философией, между ушедшим и актуальным. Об этом статья Ал. Береловича «Посредники между культурами: Размышления на полях работ Наталии Автономовой». Особую злободневность обретает проблема интеграции российских учёных в мировое научное сообщество после многих десятилетий разобщённости. Авторы некоторых материалов в этом разделе не анализируют напрямую деятельность Н.С. Автономовой. Однако тематическая и проблемная связь с ней нигде не утрачивается.

В.К. Кантор, к примеру, рассматривает рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок», доказывая бесспорную мысль: «Смерть – это закон всей истории и всегдашний страх человека». Но вместе с тем он не забывает коснуться общей темы – стремления России чувствовать себя в контексте мировой культуры.

И.С. Вдовина рассуждает об отношении П. Рикёра к психоанализу З. Фрейда. Она отмечает, что Рикёр мыслил в рамках философской антропологии, выявляя узы сознания и бессознательного. Ирена Сергеевна, в частности, пишет: «Рикёр отдаёт себе отчёт в том, что выделенные им методологии – археологическая, телеологическая, эсхатологическая –

и соответствующие им дисциплины: психоанализ, феноменология духа и феноменологии религии, – представляют собой различные, если не противоположные, способы интерпретации» [7, с. 347].

И.И. Блауберг в статье «От Шеллинга к Бергсону (из истории рецепции идей Шеллинга во Франции в XIX – начале XX вв.)» правомерно ссылается на работы Н.С. Автономовой, которая убеждена в значении эпистемологических взаимодействий. Именно эти соприкосновения раскрывают особенности национальных культур, традиций, менталитетов. При этом в статье проводится мысль о том, что открытость культур в этих диалогах далеко не беспредельна.

Идея взаимодействия, сотрудничества, синергии «порыва» и «духа» находит своё признание и в статье В.П. Визгина «Соотношение религии и философии у позднего Шелера». В ней обозначается главная тенденция работ Шелера – гармонизовать дух и жизнь, в которой влечения и инстинкты могут обозначаться словом «порыв». Тема проводников мысли присутствует и в статье А.С. Руткевича «Александр Кожев в Германии». Он отмечает, что на протяжении второй половины XX в. французские философы говорили языком немецких мыслителей: сначала Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера, а потом Маркса, Ницше и Фрейда. О даре Мераба Мамардашвили размышляет в книге А. Эпельбуэн. В данном случае мы вступаем в атмосферу воспоминаний, дружеских и семейных переплетений. Однако нигде не прерывается тема философии как судьбы и предназначения.

«Под слоем слой мощней вдвойне»

Раздел IV данной книги – «Психология – Психоанализ». Центральное событие на этот раз – Международный симпозиум по проблеме неосознаваемой психической деятельности. Это первый крупнейший международный конгресс на территории СССР. История психоанализа в России полна драматических и трагических событий, неожиданных приключений и поворотов («молений и проклятий»). Да, Конгресс в Тбилиси позволил реабилитировать феномен бессознательного. Как известно, в первые годы советской власти психоанализ получил определённое признание и распространение. Однако во время первых пятилеток психоанализ был по существу репрессирован. Раскрепощение личности через высвобождение бессознательного заместилось лозунгами труда и технического прогресса. Но на этом знаменательном событии табуирование психоанализа было частично снято, поскольку на симпозиуме присутствовали представители различных психоанали-

тических школ. Здесь, по словам Н.С. Автономовой, произошло столкновение разных взглядов на мир, на науку, выявилось разное восприятие душевной болезни и способов её исцеления.

В.П. Зинченко в статье «Личность, бессознательное, творчество» справедливо толкует личность не только как психологическую проблему. Философы давно пришли к убеждению, что статус личности может не утрачиваться лишь при одном условии, если она находится в непрерывном процессе динамики. Чтобы оставаться самим собой, человек должен непрерывно меняться. Именно вечное преобразование позволяет человеку сохранить собственную идентичность. Данная статья вводит в сферу рефлексии о личности самый разнообразный материал. Значимы, к примеру, размышления П.А. Флоренского о личности, мысли Ж. Лакана о неправомерности безоговорочного принятия суждений о типичных этапах эго, с его фазами и нормами, которые присущи процессу данного развития. Вопрос о происхождении Я всегда занимал психоаналитиков. В наши дни небывалое распространение получила идея конструкции человека. Многие исследователи без конца толкуют о «сложении» человека из разных конструктов. Эта тенденция радикально противоречит экзистенциальному мышлению. Отраднее читать в статье В.П. Зинченко такие строки: «Практика заглядывания внутрь самого себя, которой (вслед за поэзией) учит психоанализ, существенно лучше, чем практика формирования, тестирования, манипулирования личностью» [8, с. 464].

«Два замечания о бессознательном» – материал И. Брес. Рассказывая о долгих годах совместной работы с Н.С. Автономовой, он отмечает, что «бессознательное» стало словом повседневного языка с началом XIX в. Вместе с тем он подчёркивает, что со времени первых встреч с нынешним юбиляром понятие «бессознательного» обрело большую строгость. «Мы уже не находимся ни в сфере романтического бессознательного вместе с авторами XIX-XX вв., ни в сфере бессознательных влечений и желаний, которыми, в первую очередь, интересовался фрейдизм» [9, с. 471].

У. Торнгейт характеризует Н.С. Автономову как выдающееся исключение из стереотипического образа психолога-теоретика. Вместе с тем Наталия Сергеевна, выступая на конференции новой организации под названием «Международное общество теоретической психологии», сумела раздвинуть рамки мышления её участников и выйти за пределы данной специальности. Это случилось благодаря философской эрудиции Н.С. Автономовой. Автор пишет: «В эпоху, когда ежегодно публикуется более миллиона научных работ, когда мы занимаемся столь узкими, специализированными проблемами, что нам

едва удаётся общаться даже с собственными коллегами, именно та часть нашей работы, которую можно назвать искусством, – то, что заставляет нас обращать на что-либо внимание или, наоборот, что-либо игнорировать, – будет оказывать всё более сильное влияние на траекторию развития науки» [10, с. 495].

Из этого раздела мы узнаём весьма ценные подробности, связанные с Симпозиумом по бессознательному в Тбилиси. В статье Б. Доре отмечается, что Проект симпозиума был выдвинут по инициативе Ф. Бассина из Института неврологии АМН СССР и грузинского философа и психолога Аполлона Шерозия. С французской стороны важнейшую роль в организации симпозиума играл Леон Шерток. Он в это время руководил центром психосоматической медицины имени Дежерина в психиатрическом госпитале Вильжюиф. Именно ему удалось быть посредником связи между французскими и русскими участниками симпозиума. Среди них было около 200 советских исследователей, примерно пятьдесят французов, около десяти американцев и англичан. На симпозиуме было несколько представителей восточно-европейских стран.

Теперь мы знаем, что психоанализ в нашей стране в довоенные годы исчез неслучайно. Он был несовместим с тоталитаризмом, который набирал силу в советской России. Французские исследователи вряд ли могли осознать действительные причины, которые привели к устранению психоанализа. Они надеялись, что психоанализ в Россию может вернуться, если увлечь им советскую интеллигенцию. Б. Доре пишет: «Нам всем хотелось надеяться на продолжение научных контактов в такой нетрадиционной области, как психоанализ и его отношения с науками об обществе и человеке, однако такового не последовало» [11, с. 506].

Л. Шерток и И. Стенгерс в статье «Гипноз – удар по нарциссизму» называют интересные вехи в истории психоанализа. Действительно, это направление мировой психологии нанесло удар просветительскому образу человека. Мыслители XVIII в. были убеждены в том, что разумность потомка Адама не подлежит сомнению. Они считали, что если человек наделён сознанием, то он и вменяем. Иначе говоря, он несёт полную ответственность за своё поведение. Каждый раз он имеет возможность поступать ответственно, руководствуясь рассудком. Однако Фрейд показал, что значительная часть наших поступков направляется бессознательным. Следовательно, человек далеко не всегда поступает ответственно, в соответствии с доводами разума. Его мысли и поступки зачастую зависят от бессознательной части психики.

В наши дни особую остроту приобрели споры о том, что такое эволюция. Долгое время считалось, что она гарантирует появление всё более совер-

шенных созданий. Однако многие учёные указывают в своих работах на тот неоспоримый факт, что человеческая природа далека от идеала. В частности, Г. Маркус в книге «Несовершенный человек. Случайность эволюции мозга» перечисляет многочисленные изъяны, которые присущи человеку. Он оспаривает мысль о том, что развитие млекопитающих обусловлено их интеллектуальным превосходством [12]. Между тем можно также рассматривать иную концепцию, которая утверждает, что в происхождении человека повинна экологическая катастрофа. В этом смысле во многом наивны авторы, которые толкуют о том, что человек в ходе эволюции не стал совершенным созданием. Эволюция не является социоинженерным проектом.

В статье Л. Шертока и И. Стенгерс анализируется разочарование в гипнозе, которое испытал З. Фрейд. Действительно, этот вид воздействия на людей во многом является насилием над пациентом. Однако у него есть и другие опасности. Фрейд создал новое учение, которое направлено на соучастное поведение пациента. Но ему пришлось признать, что целительство не является панацеей. Его результаты неокончательны и трудно предсказуемы. «Уже Шандор Ференци, – отмечают авторы этой статьи, – который издавна считался одним из наиболее влиятельных истолкователей Фрейда, понял, что в отношении психоаналитика к пациенту нет и не может быть нейтральности. Он полагал даже, что пациенты, не давая себе в этом отчёта, испытывают скуку, презрение, злобу, тем самым усиливая у психоаналитика ощущение власти над пациентом» [13, с. 517].

Разумеется, данный очерк психоанализа содержит факты и рассуждения, которые уже хорошо известны современному читателю. Однако он имеет не только исторический интерес. Он позволяет глубже понять многие факты, которые встраиваются в современные дискуссии о специфике психоаналитических методов целительства. Ведь и в наши дни многие психотерапевты полагают, что психоаналитическая практика рациональна и доступна контролю.

«В созвучьи слов живых»

Пятый раздел называется «Перевод». Топос пятый обозначен как «Бюро находок перевода: Понятия истории, культуры и идентичности в исследованиях современной России». Н.С. Автономова размышляет о специфике непереводаемых. Они возникают на границе между дисциплинами, которые по-разному её понимают. Наталия Сергеевна полагает, что возможно эта проблема таится на уровне несоизмеримостей социального опыта и механиз-

мов обыденного сознания в разных культурах. На международной конференции 2009 г., в которой приняла участие Н.С. Автономова, проблема перевода и непереводаемости рассматривалась в таких областях, как история идей, лингвистическая антропология, философия языка, теория культуры.

Касаясь собственной работы над текстами Ж. Деррида, Н.С. Автономова пишет: «При этом выбранный мною ракурс – философский язык Деррида – давал уникальную возможность не бояться экзистенциального, вводить его там, где это может прояснить главное: показать, как работа дерридианского философского языка становится парадоксальной компенсацией мучительного переживания жизни без родного («материнского», по-французски) языка, и тем самым позволяет читателю приблизиться к реальности, а не уходить от неё. Ведь сам проект деконструкции есть концептуальная форма разрешения экзистенциального переживания, иными средствами неразрешимого, а вопрос о языке проходит смысловую нитью через его творчество, принимая самые разные формы» [14, с. 534].

В этом разделе мы вступаем в сферу мучительной коммуникации, которая сопровождается переходом от слова иноземного к слову родному. Переводческая работа не сулит лёгкого пересказа чужих смыслов. Интерпретатору приходится соотноситься со сложными терминами, тоскующими по адекватности. Возникают ситуации ступора, когда мнится, что аутентичная трансляция просто невозможна. Переводчику приходится отвечать и на замечания других исследователей, погружаться в языковые игры. Вместе с тем именно такая деятельность обеспечивает переход от знания к пониманию, к глубинному содержанию текста и концепции мыслителя.

В статье В.Л. Махлина «Перевод как опыт границ» отмечается значимость «герменевтической фактичности» (по терминологии раннего Хайдеггера) или «исторической фактичности» (по терминологии раннего М.М. Бахтина). Касаясь перевода, В.Л. Махлин пишет: «В этом своём “духовно-практическом” качестве перевод – до всякой теоретической генерализации – может быть описан и понят, во-первых, как определённый феномен (в духе известного протофеноменологического совета И.В. Гёте: “Не ищи ничего за феноменами, они сами – теория”), а во-вторых, как *герменевтический* феномен (совершенно независимо от того, как тот или иной переводчик относится, если относится, к “герменевтике”» [15, с. 544].

Размышления о переводе у В.Л. Махлина представляются мне подчас парадоксально точными и неожиданными. Л.А. Микешина уже подчеркнула в этой книге, что сама проблема перевода неотде-

лима от внутренней субъективности интерпретатора. Богатство его личности находит отражение в выборе языковых средств и глубине постигаемой мысли. Но В.Л. Махлин не просто констатирует внутренний опыт переводчика. Он настаивает также и на историческом месте интерпретатора в «мире жизни», в который погружён толкователь чужого текста. Его деятельность можно характеризовать как борьбу за словопонятие. Переводчик не просто репрезентирует себя как индивида. Здесь рождается пространство междучеловеческого (В.Л. Махлин использует слово М. Бубера). «Другость» в данном случае, следовательно, обнаруживается не только вне меня, но и во мне самом. Сложности пересказывания западноевропейской и научно-гуманитарной литературы автор статьи помечает своеобразной «речёвкой» – «найти дорогу обратно».

В столь благородной деятельности, как перевод, выявляет себя не только высокая взискательность. В. Мильчина обращает внимание на литературные поделки – на изготовление страшных «готических» или фривольных эротических романов. Так возникает тема переводческой девальвации, снижения замысла и события. По мнению автора статьи, переводчик не может быть адептом национальной исключительности и культурного изоляционизма. Маркиза де Лагранжа она характеризует как иронического бытописателя. Его очерк «Переводчики» следует за размышлениями В. Мильчиной. Маркиз предпринимает попытки охарактеризовать типы переводчиков. Среди них есть рабы слов, вассалы частиц и союзов. Так обозначает он дословных переводчиков. Но есть и такие толкователи, которые плохо понимают мысли тех, кого они переводят. Идеи, подлежащие переводу, кажутся им непостижимыми иероглифами. Такие переводчики уклоняются от поисков точного значения. Но есть и такие, которые чужды щепетильности. Они снабжают читателя вымыслами, которые не свойственны переводимым текстам. Такие толкователи тешат себя мыслью, что им удаётся «превзойти» оригинал. И, наконец, де Лагранж характеризует ещё одну разновидность переводчиков, которых он называет «фальшивомонетчиками». Эти люди просто присваивают себе чужие тексты. Приговор Э. де Лагранжа строг, но справедлив: «Плохой перевод – это порой не что иное, как убийство, совершаемое с помощью чернил и бумаги...» [16, с. 572].

Б. Дубин рассказывает в книге том, как он стал переводчиком. Он прослеживает свои жизненные истории, связанные с различными литературными увлечениями. Но автор не чужд и определённым обобщениям. Он пишет: «Перевод как проблема – “задача переводчика”, по известной формуле Вальтера Беньямина, давшей название его основопо-

лагающему эссе, – возникает, мне кажется, тогда, когда проблемой становится адресат текста. То есть когда адресат и понимание, употребление текста больше уже не предопределены его статусом (например, сакральным или домашним) и назначением, скажем, служебным. Текст теперь относится к чужаку, но такому чужаку, который автору текста бесконечно важен и интересен» [17, с. 579].

В. Берелович, раскрывая смысл своего перевода книги А. Зиновьева «Зияющие высоты», ссылается на метафору В. Беньямина. Тот разграничивал в тексте оригинала плотное сжатое «ядро», находящееся по ту сторону или по эту сторону языка оригинала, и складки королевской «мантии», облегающей это ядро в переводе. А.В. Смирнов в статье «Логическая неопределённость перевода: грамматика языка и грамматика мысли» вводит понятие «предельной формы». Он понимает под этим словосочетанием такую форму, в которую можно перевести любую без исключения фразу. Но сама она (форма) ни во что не может быть переведена. А.В. Смирнов пишет: «Перевод должен быть понят; надевание русских языковых форм на мысль, лишённую арабских языковых форм и оставшуюся голой мыслью в руках переводчика, – вовсе не завершающая стадия перевода. Переводчик дал текст, передав на русском языке арабский оригинал. Но есть ещё два шага герменевтической цепочки, которыми завершается работа по переводу. Первый из них – понимание перевода читателем, его восприятие и усвоение. Второй – создание комментария к переведённому тексту» [18, с. 608].

Ш. Маламуд в статье «Седьмой шаг: Размышления об апории» показывает, как этот термин у Деррида вытесняет конкурирующие слова и понятия «антиномия» и «противоречие». Он пишет: «Как процесс перевода и как множество других объектов и систем, изучаемых Жаком Деррида, отношение между священным и профанным, вторжением профанного в священное, легитимация профанного священным, проекции священного в профанное – все эти цепочки соотношений одновременно и необходимы, и невозможны, а потому они являются апориями» [19, с. 621].

Встреча различных культур и цивилизаций вновь актуализировала тему подлинной и неподлинной философии. Многие европейские мыслители полагали, что философия и наука в их аутентичности возникли в античной Греции и на этом основании отрицали неевропейские варианты философского мышления. Так, Э. Гуссерль полагал, что отличие восточных философий заключается в том, что им присуща религиозно-мифологическая универсальная практическая установка. Религиозно-мифические мотивы и религиозно-мифическая практика были свойственны до возникновения греческой философии.

фии. По словам Э. Гуссерля, с появлением греческой философии и «её первыми формопредставлениями в последовательной идеализации нового смысла бесконечности» произошло преобразование, которое вовлекло в свой круг идеи конечного и вместе с ними всё человечество и его духовную культуру.

Эта тема затронута в статье С.Д. Серебряного «Западная философия и западные философии (почти тезисные заметки)». Он отмечает две крайности, которые разделяют мнения разных мыслителей по этому поводу. Одни исследователи полностью отрицают правомерность употребления слова «философия» к каким-либо видам интеллектуальной деятельности вне пределов европейской культуры. Другая крайность сводится к тому, что можно считать философию некой культурной универсалией, вроде языка или мышления. После весьма доказательных рассуждений автор приходит к следующему выводу: «Подобным же образом, то, что сейчас излагается во многих книгах на разных языках как истории китайской, японской, индийской и т.д. философий, это все «конструкции», созданные с конца XIX в. и на протяжении XX в. под влиянием знакомства с историей европейской (западной) философии и в подражание этой истории» [20, с. 635].

Е.В. Петровская в статье «Вторжение в гостеприимство» отмечает, что такая методологическая процедура, как «деконструкция» не ставит перед собой задачу добыть истину. Не случайно многие авторы сетуют на отсутствие школы философской деконструкции. Вместе с тем она показывает, что мы не знаем, что такое гостеприимство. Это понятие обладает противоречивостью. В статье А. Сулез «О переводе» много ценных размышлений о неопределённости перевода. Она пишет: «Перевод» для тебя (речь идёт о Н.С. Автономовой – *прим. П.Г.*) предстаёт как задача, которую нужно осмыслить. Можно понимать процесс перевода как интерпретацию, как переход в язык другого, при котором мы вновь обретаем эту мысль, пересотворяя её в том измерении, где она может быть передана другому. Для этого в переводе есть внутренняя энергия. Пе-

ревод динамичен: это не только переход из одного языка в другой, но также и передача концептуальных схем, для того чтобы построить более строгие концептуальные схемы, и пусть при этом возродится некий философский язык – одновременно и плодотворный, и надёжный» [21, с. 646].

Слово родное и иноземное

Шестой раздел (топос шестой) посвящён вопросам филологии. М.Л. Гаспаров считает, что античная культура не была универсальной, потому что была эгоцентричной. Она опиралась на собственное, полувидуманное прошлое и не хотела знать никаких других культур. Е.Е. Дмитриева в статье «Этиология гостеприимства, или некоторые размышления о научном стиле Наталии Автономовой» отмечает, что жанр исследований Н.С. Автономовой не удаётся чётко определить: помимо философских, филологических, историко-литературных размышлений, она пользуется также документами «личного» характера, воспоминаниями и даже впечатлениями. Х. Баран отмечает, что в архиве Брика сохранились тексты, написанные В. Маяковским, Б. Пастернаком и Р. Якобсоном. Автор анализирует научное наследие Осипа Брика. С.Ю. Неклюдов полагает, что тексты операционалистически удобно считать первичной данностью традиции. Т.В. Скулачева посвящает свою статью методике анализа стиха.

Книга, созданная в честь юбилея Н.С. Автономовой, трудно поддаётся традиционному рецензированию. В ней собраны разные статьи, разного жанра и разного объёма. Именно поэтому зачастую приходится ограничиваться маргиналиями на полях работ, включённых в этот труд. Собранные вместе эти материалы свидетельствуют о масштабности научной и философской деятельности Наталии Сергеевны. Она в значительной степени олицетворяет целую эпоху в изучении французской философии. Её «междисциплинарность» восхищает. Сюжеты, затронутые в книге, могут стать ещё одной грандиозной исследовательской программой.

Список литературы:

1. Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрин; науч. ред. Т.Г. Щедрин. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 807 с.
2. Соловьев Э.Ю. Историко-философская публицистика (приметы и требования) // Философия и культура. 2014. № 5(77). С. 731-744.
3. Мотрошилова Н.В. Наталия Автономова: Штрихи к философскому портрету // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрин; науч. ред. Т.Г. Щедрин. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 25.
4. Гуревич П.С. Превозможение человека // Философия и культура. 2016. № 2(98). С. 179-182.
5. Микешина Л.А. Субъект познания и субъект перевода // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрин; науч. ред. Т.Г. Щедрин. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 79.
6. Коэн Р.С. Размышления о науке и воображении (пер. с англ. Н. Автономовой) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрин; науч. ред. Т.Г. Щедрин. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 119.

7. Вдовина И.С. Поль Рикёр о философском прочтении психоанализа (некоторые аспекты) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 347.
8. Зинченко В.П. Личность, бессознательное, творчество // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 464.
9. Брес И. Два замечания о бессознательном (пер. с франц. Н. Автономовой) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 471.
10. Торнгейт У. Истина о важном и интересном (пер. с англ. Н.Вл. Автономовой) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 495.
11. Доре Б. О том, как мечта интеллектуала стала подлинной историей (пер. с франц. Н. Автономовой) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 506.
12. Маркус Г. Несовременный человек: Случайность эволюции мозга и её последствия / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 255 с.
13. Шертюк Л., Стенгерс И. Гипноз удар по нарциссизму (пер. с франц. Н. Автономовой) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 517.
14. Автономова Н.С. ТОПОС ПЯТЫЙ: «Бюро находок перевода: Понятия истории, культуры и идентичности в исследованиях современной России» // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 534.
15. Махлин В.Л. Перевод как опыт границ // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 544.
16. Лагранж Э. де. Переводчики (пер. с франц., примеч. и публ. В. Мильчиной) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 572.
17. Дубин В. Как я стал переводчиком // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 579.
18. Смирнов А.В. Логическая неопределённость перевода: грамматика языка и грамматика мысли // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 608.
19. Маламуд Ш. Седьмой шаг: Размышления об апории (пер. с франц. Н. Автономовой) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 621.
20. Серебряный С.Д. Западная философия и незападные философии (почти тезисные заметки) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 635.
21. Сулез А. О переводе (воспоминания) (пер. с франц. Н. Автономовой) // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Шедрина; науч. ред. Т.Г. Шедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 646.
22. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 287 с.
23. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2 изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 509 с.
24. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.
25. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с.
26. Глебкин Владимир. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с.
27. Махлин В.Л. Второе сознание. Подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. 632 с.
28. Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод / Под общ. ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Шедриной. М.: РОССПЭН, 2014. 526 с.

References (transliterated):

1. Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 807 s.
2. Solov'ev E.Yu. Istoriko-filosofskaya publitsistika (primety i trebovaniya) // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 5(77). S. 731-744.
3. Motroshilova N.V. Nataliya Avtonomova: Shtrikhi k filosofskomu portretu // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. Kyubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 25.
4. Gurevich P.S. Prevozmozhenie cheloveka // Filosofiya i kul'tura. 2016. № 2(98). S. 179-182.
5. Mikeslina L.A. Sub"ekt poznaniya i sub"ekt perevoda // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 79.
6. Koen R.S. Razmyshleniya o nauke i vobrazhenii (per. s angl. N. Avtonomovoi) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. Kyubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 119.
7. Vdovina I.S. Pol' Riker o filosofskom prochtenii psikhoanaliza (nekotorye aspekty) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 347.

8. Zinchenko V.P. Lichnost', besoznatel'noe, tvorchestvo // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 464.
9. Bres I. Dva zamechaniya o besoznatel'nom (per. s frants. N. Avtonomovoi) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 471.
10. Torngait U. Istina o vazhnom i interesnom (per. s angl. N.Vl. Avtonomovoi) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 495.
11. Dore B. O tom, kak mechta intellektuala stala podlinnoi istoriei (per. s frants. N. Avtonomovoi) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 506.
12. Markus G. Nesovershennyi chelovek: Sluchainost' evolyutsii mozga i ee posledstviya / Per. s angl. M.: Al'pina non-fikshn, 2011. 255 s.
13. Shertok L., Stengers I. Gipnoz udar po nartsissizmu (per. s frants. N. Avtonomovoi) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 517.
14. Avtonomova N.S. TOPOS PYaTYI: «Byuro nakhodok perevoda: Ponyatiya istorii, kul'tury i identichnosti v issledovaniyakh sovremennoi Rossii» // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 534.
15. Makhlin V.L. Perevod kak opyt granits // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 544.
16. Lagranzh E. de. Perevodchiki (per. s frants., primech. i publ. V. Mil'chinois) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 572.
17. Dubin V. Kak ya stal perevodchikom // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 579.
18. Smirnov A.V. Logicheskaya neopredelennost' perevoda: grammatika yazyka i grammatika mysli // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 608.
19. Malamud Sh. Sed'moi shag: Razmyshleniya ob aporii (per. s frants. N. Avtonomovoi) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 621.
20. Serebryanyi S.D. Zapadnaya filosofiya i nezapadnye filosofii (pochti tezisnye zametki) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 635.
21. Sulez A. O perevode (vospominaniya) (per. s frants. N. Avtonomovoi) // Toposy filosofii Natalii Avtonomovoi. K yubileyu / Otv. red.-sost. B.I. Pruzhinin, T.G. Shedrina; nauch. red. T.G. Shchedrina. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. S. 646.
22. Avtonomova N.S. Rassudok, razum, ratsional'nost'. M.: Nauka, 1988. 287 s.
23. Avtonomova N.S. Otkrytaya struktura: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov. 2 izd., ispr. i dop. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 509 s.
24. Avtonomova N.S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka. M.: ROSSPEN, 2008.
25. Avtonomova N.S. Filosofskii yazyk Zhaka Derrida. M.: ROSSPEN, 2011. 510 s.
26. Glebkin Vladimir. Smena paradigim v lingvisticheskoi semantike: ot izolyatsionizma k sotsiokul'turnym modelyam. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 368 s.
27. Makhlin V.L. Vtoroe soznanie. Podstupy k gumanitarnoi epistemologii. M.: Znack, 2009. 632 s.
28. Sovremennyye metodologicheskie strategii: Interpretatsiya. Konventsiya. Perevod / Pod obshch. red. B.I. Pruzhiina, T.G. Shchedrinoi. M.: ROSSPEN, 2014. 526 s.